

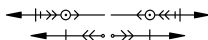
АКВАДОРАТСКИЙ ЦИКЛ

О помнись, Филомена!

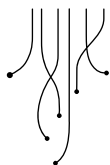
Храните вашу безмятежность

ТАТЬЯНА
КОРОСТЫШЕВСКАЯ

ХРАНИТЕ ВАШУ БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К68

Разработка серийного оформления *О. Запис*
Иллюстрация на переплете *Л. Совы*

Коростышевская, Татьяна Георгиевна.
К68 Храните вашу безмятежность / Татьяна Коростышевская. — Москва : Эксмо, 2021. — 352 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-154109-5

Глубоко в сердце каждый житель Аквадораты лелеет желание с чем-нибудь расстаться. Адмирал — с непутевым сыном, князь вампиров — с одиночеством, дож — со своей догарессой, а дона догаресса Филомена Саламандер-Арден-те — с невинностью. Причем непременно в объятиях того самого дожа.

И если для этого ей придется раскрыть несколько хитроумных заговоров, найти невесту вампиру, выбить стипендии для не очень благородных девиц и подружиться с пиратами, она справится.

Ах да, есть еще верные подруги. И поверьте: они тоже не дремлют!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коростышевская Т.Г., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021
ISBN 978-5-04-154109-5

Глава 1

БАЛ У КОМАНДОРА ДА РИАЛЬТО

Бал на острове Риальто начался в полдень пятницы. Приглашена была, казалось, вся Аквадората. Слуги сбивались с ног, обеспечивая гостей яствами и напитками, музыканты выступали посменно, будто недолгая тишина показалась бы кому-то оскорбительной. Хозяин острова командор да Риальто появился на публике в полдень и удалился, чтоб сберечь силы.

Тишайших супругов, дожа с догарессой, для которых подготовили парадные покои палаццо, ожидали в субботу на закате, и до того времени торжество проходило как бы вполсилы. Синьор Эдуардо, наследник командора, в его отсутствие исполняющий главную роль, развлекался в компании друзей, заняв место во главе огромного стола обеденной залы. Юный да Риальто вскоре должен был отправиться в качестве губернатора на острова Треугольника, и в обществе набирали силу сплетни о том, что таким образом ревнивый дож Муэрто избавляется от соперника в любви.

— Да, да, — шептались в кулуарах, — дона Филомена должна была выйти замуж за бедняжку Эдуардо, все было на мази, даже старший брат синьорины явился в сто-

лицу, чтоб отвести ее к алтарю, но его серенити рассудил иначе. Кто может противостоять дожу?

И все соглашались, что никто, и припоминали, как тишайший Чезаре хитростью и интригами добился четверти и четверти четверти от контракта с рыцарями большой земли. Дож хитроумен, дож богат, и теперь ему принадлежит красивейшая женщина Аквадораты.

— Когда дона Филомена, — распространялись шепотки, — узнала о губернаторстве Эдуардо, она немедленно отказала дожу в близости. Вообразите, у них отдельные спальни. Зарок в честь избавления от чумы? Ах, бросьте. Всем известна настоящая причина супружеского охлаждения.

— Дож запер супругу, — звучало с другой стороны. — Да, да, абсолютно точно. Дона Филомена находится под арестом. Причина? А вы разве не слышали о чудовищном князе Мадичи, который воспылал к догарессе? Разумеется, экселленсе пробудился, и теперь вампиры патрулируют город наравне с ночной стражей. Если после полуночи вы направите свои стопы в сторону дворца дожей, сможете услышать романсы, кои его сиятельство исполняет для прекрасной пленницы.

Главная тема разговоров иногда разбавлялась сплетнями помельче. Например, о наказании маркизета Фоско, уличенного в шулерстве за карточным столом. Опального дворянина под хохот и улюлюканье толпы прогнали через площадь, и он, прикованный к позорному столбу, несколько часов сносил издевательства черни. Теперь маркизет находился в изгнании, возвращаться в столицу ему запретили.

Говорили... А впрочем, какая разница. Публика тоже берегла силы для настоящего торжества.

* * *

Почти две недели я не покидала дворец. Панеттоне, продолжавшая посещать «Нобиле-колледже-рагацце», регулярно передавала мне конспекты, которые я с должным усердием изучала. После прочтения я некоторое время держала бумаги над огнем свечи, чтоб на полях проступили написанные лимонным соком строчки.

«Чезаре отплыл в неизвестном направлении, его сопровождал капитан Саламандер-Арденте. Паола Раффаэле ходит павлином и распускает сплетни. Карла не объявлялась, зато появилась какая-то старуха. Старуха заводит свои порядки».

Что за старуха?

«Маура ее боится. Князь Мадичи каждую ночь исполняет романсы под окном изумрудной спальни».

Зачем на это тратить драгоценную бумагу? Как будто я и без того не знаю, кто стенает у караулки, терзая струны гитары. И хорошо, что его серенити отсутствует, его бы эти песнопения не порадовали. Нет, мне, разумеется, льстит ревность дожа, но дразнить его лишний раз не хочется. Чего добивается экселленсе? Чтоб меня заточили в монастырь?

Припомнив, как орал тишайший Муэрто, я поморщилась. Форменный болван! И я еще воображала, что смогу его полюбить? Стронцо Чезаре даже не слушал моих доводов. Я, оказывается, легкомысленная кокетка, расточающая любезности вампиру. Я веду себя недостойно. Мне следует подумать о своем поведении, пересмотреть манеры, утихомириться. Под арестом в своей спальне, под охраной дюжины гвардейцев, с решетками на окнах,

с запретом прогулок и общения. Как долго? Это будет зависеть от глубины моего раскаяния.

Я, разумеется, тоже наговорила супругу лишнего. О красоте и обходительности экселленсе, которые дадут сто очков вперед злонаравию моего фальшивого мужа, о том, что последний мог бы чему-нибудь у первого поучиться, о желании немедленного развода и нежелании утихомириваться.

И каков же результат?

Раздраженно отодвинув подушку, я достала крошечную записную книжку в бархатном переплете. Дневник. Я завела его в тот день, когда вообразила, что влюблена в супруга. На форзаце в обрамлении цветов, сердец и танцующих саламандр стояло его имя — Чезаре Муэрто. Стронцо! Странички заполняла информация, которую я успела собрать расспросами капитана Гаруди. Двадцать девять лет. Отец — Серджио Муэрто — ныне покойный, отошел в мир иной довольно давно и в преклонном возрасте. Мать — Маддалена, проживает на острове Пикколо при тамошнем монастыре. Чезаре покинул Аквадорату после кончины родителя, нанявшись простым матросом на корабль «Безмятежность», входящий в эскадру тогдашнего дожа Дендулло. Ему было всего пятнадцать, но уже через год он стал капитаном «Безмятежности». Сражения с пиратами в южных морях, захват судов, сделки с островитянами, барыши, личная эскадра.

Страницы шуршали, перелистываясь. Синьор Гаруди оказался просто кладезем информации. Интрижки. Много. Тишайший Муэрто славился своим женолюбием. Несколько серьезных романов. Губернатор острова Помо-Комо пообещал содрать с капитана Муэрто шкуру,

если его корабль хоть раз еще бросит якорь в его водах. Судя по наличию кожного покрова, супруг туда не вернулся. Зато дочурка грозного губернатора, синьорина Паола Раффаэле, отправилась за любовником в столицу. Теперь, если верить «лимонным» посланиям Панеттоне, гордится моим унижением.

Я скрипнула зубами от бессильной злобы. Дневник мне теперь не нужен, и, будь в моей комнате камин, книжечка давно уже продолжала бы посмертное существование в виде горстки пепла. Развод! Как только дож вернется в Аквадорату, я его получу!

Не Чезаре, развод.

Достав из переплета карандашик, я дописала под именем супруга: «Стронцо!»

Дверь скрипнула, приоткрывшись, я едва успела спрятать дневник под подушку и принять высокомерный вид. Еду мне приносили трижды в день незнакомые служанки, которым, видимо, было запрещено со мной разговаривать. Одевалась я сама и делала это тщательно. Заточение — не повод становиться распустихой.

— Филомена!

В спальню проскользнула Маура. Чуть не разревевшись, я сжала подругу в объятиях.

— Панеттоне!

— Аквадоратская львица!

— Ты обманула охрану?

— Он сбрил бороду!

— Как ты?

— И оказался похож на тебя.

— Кто такая старуха? Почему ты так странно одета? Какая борода?

Подруга всхлипнула и захихикала:

— Синьор Филомен вернулся, и я едва его узнала без этой метелки на лице.

— Значит, и Чезаре?..

— И твое заточение окончилось.

Казалось, после этого сообщения я должна была убежать из комнаты и галопом проследовать на волю, но я пожала плечами и села в кресло у стола.

— Рассказывай. Обо всем с самого начала.

— Сегодня суббота.

— Это не новость. К тому же я считала дни.

— Бал на острове Риальто. — Маура села в другое кресло. — На закате тишайшая чета со свитой должна его посетить.

— Надеюсь, его серенити получит удовольствие от праздника, как и от того, что супруга не намерена его сопровождать.

— Филомена!

— Новости, Панеттоне.

Подруга послушно кивнула:

— За две недели многое изменилось. Старуха принеслась в столицу, как только до нее дошла весточка о вашем браке. Пользуясь отсутствием дожа, она моментально загребла себе всю возможную власть, наводнила дворец своими шпионами...

— Да кто она такая?

— Твоя свекровь!

— Синьора Маддалена?

— Ее так зовут? — Маура округлила глаза. — Страшная женщина. Помнишь, мы потешались, что директриса сестра Аннунциата насаждает в школе монастырские порядки? Мы ничего о них не знали! Дона Муэрто за не-

сколько дней погрузила дворец в атмосферу строгости и набожности. Тебе нравится мое платье?

Я посмотрела на черно-серый наряд фрейлины и покачала головой.

— Мы теперь все так одеваемся, — пожаловалась Маура. — Старуха велела спрятать в сундуки все шелка и бархат, все маски и кружева. Артуро у нее под каблуком, ни слова возражения пискнуть не смеет. Официально Аквадората придерживается благодарственного поста в честь избавления города от чумы.

— Вся Аквадората?

— Ах нет, так далеко власть старухи не распространяется. За стенами дворца продолжается обычная жизнь, но мы должны молиться от рассвета до заката, смех и улыбки под запретом. Ну ничего, сегодня этот нелепый пост закончится.

И донна да Риальто принялась мечтать, какое миленькое платьице будет на ней уже нынче вечером. Потом ее мысли перескочили на школу, и она в красках поведала мне, как Голубка Паола кичится, являясь в «Нобиле-колледже-рагацце» в моей гондоле, как принимает поклонение городской публики, притворяясь мною.

— Она настроила против тебя всех учениц, распуская сплетни об интрижках догарессы. — Маура вздохнула. — Будь со мною Карла, вдвоем мы могли бы противостоять лживым обвинениям.

— От Маламоко нет вестей?

— Нет, — грустно ответила подруга.

— Это хорошо, — решила я. — Значит, Карла в порядке.

— Надеюсь. Ну что ж, моя догаресса, давай отправимся поприветствовать дожа?

— Без меня, Панеттоне.

— Что?

— Ступай, милая. Я останусь здесь и не сдвинусь с места, пока тишайший Муэрто лично не принесет мне извинений за арест.

— Филомена, — примирительно начала Маура, — тебя заперли для твоей же безопасности. Его серенити встревожили покушения, и он...

— Ступай.

— Разве у него не было повода проявить строгость?

— Разве у него нет рта, чтоб сообщить мне о своей тревоге? Нет, Маура, поведение тишайшего можно объяснить, но не оправдать.

— Любящая женщина должна прощать ошибки супруга.

— Расскажи об этом любящей женщине лично, здесь таких нет.

Золотистые бровки доны да Риальто приподнялись:

— Ты не влюблена в Чезаре?

Я хмыкнула.

— Не значит ли это, что у моего беспутного братца появился шанс отвоевать твое мятежное сердце? — проворковала Маура.

Я поморщилась.

— Нет? — Оживившаяся было Панеттоне погрузнела. — Хорошо. Я передам его серенити твое пожелание.

Она удалилась. Я заперла за ней дверь, задвинула внутренний засов и стала ждать.

Через четверть часа ко мне постучали. Горничная Инес предлагала мне переодеться в бальный наряд. Ответа она не удостоилась, как и горничная Констанс, при-

несшая вино и закуски, как и синьор Копальди, интересующийся, все ли со мной в порядке.

Звук передвигаемого мною комода ушей секретаря, наверное, достиг. Я баррикадировала вход на случай, если он велит стражникам выламывать двери.

Дона Сальваторе, непривычно приветливая, уговаривала меня выйти, ей вторила нежным голоском Паола. Синьорины сулили мне торжественную встречу и сообщали, что супруг мой, тишайший Муэрто, ожидает меня в малой зале.

Я молчала.

Незнакомая девица строгим тоном передала приглашение от свекрови.

Я молчала.

— Филомена, — прогрехотало из коридора, — брось ребячиться.

— Ты сбрил свою ужасную бороду? — прокричала я, узнав голос брата. — Куда ты возил этого стро... своего нового родственника?

— Выйди, расскажу.

— Мне не настолько любопытно, — отрезала я и опять замолчала.

Филомен характер мой знал прекрасно, поэтому настаивать не стал.

— Изолла-ди-кристалло, — сообщил он в замочную скважину.

Я легла животом на комод и прижала ухо к двери:

— И что вы там искали?

— Да что там есть? — хмыкнул братец. — Твой муж просто хотел побывать на нашем атолле. Ты знала, что по документам владения этот клочок суши переходит первому наследнику третьего поколения Саламандер-Арденте?

— Ну да. Остров является частью приданого нашей матушки, и по решению ее родителя... — Я запнулась, потому что, произнесенное вслух, это решение вдруг показалось мне странным. — Тебя что, не заставляли изучать семейный архив?

Он ответил что-то вроде того, что крюкотворство никогда его не занимало. Мы немного поболтали о родителях, о том, что, не будь Филодор, наш второй брат, таким книжным червем, он давно устроил бы нам наследника в третьем поколении, что на остальных надежды мало, потому что Флоримон еще слишком молод, а близнецы — балбесы.

Филомен вздохнул оттого, что мой супруг бесплоден. Я спросила, только ли вся Аквадората осведомлена о недостатках дожа, или это обсуждается и на материке. Ответ обогатил меня нелепой историей о форколских сиренах, наколдовавших синьору Муэрто бездетную будущность. Мы похихикали, вспомнили согбенную Атаргате с проплешинами на чешуйчатом хвосте, матриарха Форколы.

Тут нас прервал тишайший Муэрто, строгим голосом спросивший любезного шурина, что в русалочьей истории его забавляет. Тот заверил, что история его восхищает и приводит в трепет.

Дож отправил синьора Саламандер-Арденте... Я не успела куда, но, видимо, там ему будет сподручнее трепетать. Вослед брату в это благословенное место были отправлены все.

То есть Чезаре проорал:

— Все вон! — И многозначительно засопел в замочную скважину.

Я потянула носом. От супруга пахло вином. Захотелось пить. Поэтому я сползла с комода и отправилась к столу, на котором стоял кувшин с водой.

Он опустел примерно на треть, когда наконец до меня донеслось заунывное:

— Чего ты хочешь, Филомена?

Неторопливо загибая пальцы, я начала перечислять все свои желания. Там было и звание первой ученицы «Нобиле-колледже-рагацце», и белый пони с розовым бантом в гриве, и чтоб тишайший супруг провалился к черту.

Мне пообещали пони.

Я захотела личную гондолу, только не черную, а красную с золотыми веслами.

Мне ее посулили.

Желаний не осталось, и я попросила развод.

За дверью стало тихо. Испугавшись, что Чезаре обиделся и ушел, я опять взобралась на комод, прислушиваясь.

— Хорошо, — сказал дож наконец. — Ты его получишь.

— Когда?

Он опять помолчал.

— Сегодня после бала.

Что ему стоило просто извиниться? Кто мешал?

Ну и ладно, и пожалуйста. Тишайший супруг желает развода? Пусть!

Опомнись, Филомена! Ты на этом настояла.

Потому что он не попросил прощения! Это он, Чезаре, загнал меня в угол, вынудив тем самым...

Тут я приказала мыслям заткнуться, они становились слишком несправедливыми. Правы они были лишь в одном: я загнана в угол.

Комод отодвигался гораздо медленнее, чем до этого придвигался. Ножки скрипели по паркету, оставляя на нем борозды. Ну и пусть.

Я распахнула дверь и присела в реверансе: